

УДК 64.4

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛАТВИИ

Кирчанов М.В.

ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет», Воронеж, Россия, maksymkyrchanoff@gmail.com

Автор анализирует особенности историографической ситуации в современной Латвии. Выявлены основные особенности развития исторических исследований транзитных обществ. Проанализированы системные черты и особенности развития латышской историографии как формы академических исторических исследований и развития исторической национальной памяти в контексте «больших нарративов». «Большие нарративы» в современной латышской историографии анализируются как основная форма развития исторического знания. Показана взаимозависимость развития политического национализма и исторической науки. Проанализированы основные формы и направления развития исторических исследований в Латвии в контексте общих трансформаций исторического знания. Показана роль истории в развитии национальной идентичности и актуализации национализма.

Ключевые слова: Латвия, историография, «большие нарративы», историческая память, национализм, историческое воображение

THE MAIN TRENDS AND DIRECTIONS IN DEVELOPMENT OF HISTORIOGRAPHICAL SITUATION IN CONTEMPORARY LATVIA

Kirchanov M.V.

Voronezh State University, Voronezh, Russia, maksymkyrchanoff@gmail.com

The author analyzes features of historiographical situation in the present-day Latvia. The basic features of the development of historical studies in transit societies are analyzed. The system features and characteristics of the Latvian historiography as a form of academic historical studies and the development of historical memory in the context of the national "grand narratives" are also discussed. The "grand narratives" in contemporary Latvian historiography are analyzed as the main form of historical knowledge. The relationships of political nationalism and historical science are studied in the article. The basic forms and directions of development of historical studies in Latvia in the context of the general transformation of historical knowledge are also discussed. The role of history in the development of national identity and nationalism actualization is also studied.

Keywords: Latvia, historiography, "grand narratives", historical memory, nationalism, historical imagination

Распад Советского Союза в 1991 г. не только стал завершением истории советской историографии, но и фактически положил начало самостоятельному развитию целого ряда новых историографических традиций. Перед постсоветскими государствами встали задачи легитимации их независимого существования и развития, в том числе – и с использованием истории. История практически всегда использовалась для решения тех или иных политических задач. В подобной ситуации политизация истории, ее идеологизация и использование для индоктринизации населения являются фактически неизбежными спутниками государственного строительства. В тех странах, которые относительно недавно обрели политическую независимость, история имеет свойство самым тесным образом смыкаться и сближаться с национализмом. В центре авторского внимания в данной статье – проблемы развития исторических исследований в современной Латвии.

Если пытаться обобщить основные направления научного изучения отношений национализма и исторического знания, то таковых магистральных направлений будет несколько, а именно:

1) анализ мифологизации прошлого [6] и политического применения истории в целях легитимации территориально-политических перемен в регионах, отягощенных незавершенными этническими и религиозными конфликтами в контексте ответственности интеллектуалов [4], актуализации религиозного фактора [15], формирования и функционирования коллективных «мест памяти» в исторических воображениях [1], политической мифологизации прошлого [8];

2) изучение роли истории, исторических мифов и исторического воображения в контексте политических, культурных и интеллектуальных трансформаций на постсоветском пространстве [11];

3) анализ политических и идеологических манипуляций с историей в условно «старых» национальных государствах западного мира и немусульманского Востока [5];

4) выяснение роли отдельных интеллектуалов и историков [19] в смыкании исторического знания с национализмом;

5) изучение условно «частных» случаев смыкания исторического знания и национализма в отдельных странах [15] или регионах [18], статус которых является спорным;

6) обращение к трансформациям историографии и исторического знания в авторитарных, преимущественно – левых [3], режимах на этапе их стабильного функционирования и в периоды кризиса, упадка и постепенной эрозии;

7) изучение манипуляций с историей в постколониальном мире [2];

8) изучение массовых исторических нарративов (например, школьных учебников по истории [12]), предназначенных для формирования и воспроизводства идентичностей и лояльностей;

9) сравнительные штудии политического и идеологически маркированного применения истории [10].

В контексте столь тематически разнообразной современной историографии, посвященной проблемам отношений национализма и исторического знания, балтийские сюжеты в целом и латышская проблематика в частности представляются практически неизученными. Комментируя политические использования и применения истории, Д. Томсон подчеркивал, что «в эпоху национальных государств история обречена быть националистической» [17, р. 27], так как именно «история делает существование нации законным» [16, р. 467], легитимизируя тем самым и национальные государства.

В постсоветских государствах историки были вынуждены решать качественно новые задачи, связанные с легитимацией независимости постсоветских республик. В разных странах эти задачи решались различно. Кроме этого, историографический опыт и потенциалы национальных исторических наук в значительной степени варьировали. Особое место среди постсоветских историографий занимают исторические исследования в Латвии, Литве и Эстонии. Балтийские республики впервые в истории получили опыт независимого политического развития в период между двумя мировыми войнами. Поэтому восстановление политической независимости на общих векторах развития исторических исследований в этих странах отразилось весьма специфично. В центре авторского внимания в настоящем разделе будут проблемы и общие векторы развития исторических исследований, исторической политики и исторической памяти в Латвийской Республике.

Анализируя развитие латышской историографии, следует принимать во внимание ряд факторов. Рассматривая специфику, векторы и траектории историографических трансформаций и историографических изменений в современной Латвии, вероятно, будет уместным обратиться к *path dependence theory*, сторонники которой склонны анализировать и объяснять разного рода политические и социально-экономические трансформации того или иного общества теми стартовыми и начальными условиями, которые не только предшествовали переменам, но и фактически определили их. Обусловленность основных направлений развития исторических исследований и политические предпочтения историков самым тесным образом связаны с внешними факторами. Итак, что в теоретическом и институциональном плане представляла латышская историография в начале 1990-х гг., т. е. практически сразу после восстановления политической независимости?

Во-первых, латвийская историография к началу 1990-х гг. в качестве своих предшественников имела не только советскую латвийскую историческую науку, но и историографию периода межвоенной независимой Латвии. В постсоветской Латвии исторические штудии развивались и воображались как история преимущественно Латвии, написанная в традиционной системе координат нормативной событийной историографии. В подобной ситуации исследования в сфере всеобщей истории, в том числе и новаторские для Латвии исследования Денисса Хановса [9], выдержанные в контексте междисциплинарной социальной и культурной истории, хотя и развивались, но оказались в тени в большей степени востребованных общественным заказом попыток конструирования новой версии национальной истории. Именно поэтому латышские историки на протяжении 1990–2010-х гг. оказались не в состоянии вырваться из ограниченного круга тем, связанных с воспроизводством и обслуживанием «больших нарративов».

Во-вторых, к началу 1990-х гг. латышские историки как старшего, среднего, так и младшего поколений пребывали в рамках советской парадигмы исторического знания и написания / описания истории, так как качественно новые и методологически другие подходы и принципы еще не успели сложиться и утвердиться в академическом сообществе.

В-третьих, «постсоветские интеллигенции», по мнению некоторых авторов, «столкнулись с кризисом написания истории» [13, р. 631], и именно отчасти в силу этого фактора в организационном и структурном плане историческая наука в Латвийской Республике в начале 1990-х гг. продолжала оставаться (нео)советской – центральной академической институцией был Институт истории, входивший в структуру Академии Наук, воспроизводство исторических кадров обеспечивали университеты и педагогические институты.

В-четвертых, в начале 1990-х гг. историографическое пространство в Латвии оставалось относительно единым, а процессы его теоретической, политической, методологической и идеологической фрагментации только начинались.

В-пятых, альтернативные исторические интерпретации, связанные, например, с историографией межвоенной Латвии или латышской эмиграции в начале 1990-х гг., оставались малоизвестными и не могли радикальным образом изменить общие векторы развития исторических исследований.

Эти системные черты характеризовали историографическую ситуацию в начале 1990-х гг., которые стали временем не только динамичной и последовательной десоветизации политической и экономической жизни Латвии, но и исторических исследований в этой постсоветской стране. Крах СССР и восстановление политической независимости Латвии содействовали значительным переменам в латышской историографии, актуализируя новые формы и измерения идеологической заинтересованности гуманитариев в том контексте, что история и раньше «использовалась для легитимации политических процессов и состояний», а в транзитных обществах и вовсе «стала важным элементом различных национальных проектов, выполняя свои функции в создании идентичности» [14, с. 485].

В Латвии, как и в других поставторитарных странах, история оказалась в значительной степени подверженной политизации и идеологизации, переместившись «в центр политических дебатов» [13, р. 631]. В целом, процессы десоветизации определили основные особенности историографической ситуации, вызванные двадцатипятилетним опытом независимого развития, к середине 2010-х гг. Расширяя сформулированный выше вопрос о стартовых условиях латышской историографии, следует поставить и другой вопрос, связанный с результатами того пути, который латышские исторические штудии проделали

на протяжении 1990–2010-х гг. Особенности современной историографической ситуации в Латвии, сложившиеся в этот период, могут быть сформулированы следующим образом.

Во-первых, если до начала 1990-х гг. в рамках всей советской историографии в целом модели интерпретации истории оставались статичными, то после распада СССР исторические исследования в целом утратили свой постсоветский характер. На смену ему пришли новые исторические школы и направления, хотя их существование может быть признано в большей степени дискуссионным, нежели свершившимся историографическим фактом. Во-вторых, исторические штудии в современной Латвии развиваются в условиях значительной и последовательной фрагментации, т. е. одновременного сосуществования различных поколений историков и ограниченного числа различных интерпретаций. В-третьих, современная латышская историография развивается как историография преимущественно «больших нарративов», представленных соответствующими нарративами о Первой Республике, советской оккупации, борьбе за независимость и прочими, которые в значительной степени успели обрести как собственными историческими мифами, так и слиться с различными политически мотивированными обоснованиями и интерпретациями.

«Большие нарративы», о которых идет речь, представляют собой «важные звенья в той цепи, при помощи которой современные общества сохраняют идею гражданства, а, с другой, идеализируя свое прошлое, предлагают своему сообществу и будущее» [10, р. 3]. Существование латышской историографии в форме «больших нарративов» оказалось в постсоветской Латвии фактически неизбежным, так как «большой нарратив» чрезвычайно удобен для тиражирования, распространения и его внеисторического (точнее – внеакадемического) использования ради идеологизации и индоктринизации. В-четвертых, процесс развития историографии на протяжении 1990–2010-х гг. привел к вытеснению и принудительной маргинализации наиболее последовательных сторонников ранее доминировавшей методологии, в результате чего главенствующие и ведущие позиции в рамках латышского исторического сообщества (особенно в его институциональном измерении – административные должности в Институте Истории, на исторических факультетах университетов и т.п.) заняли те представители исчезнувшей советской историографии, которые наиболее быстро и динамично смогли адаптироваться к новым условиям.

В-пятых, к середине 2010-х гг. в современную латышскую историографию оказались интегрированы и формально включены не только историки-латыши, но и представители русского сообщества в Латвии, которые оказались в состоянии воспринять и принять доминирующие методологические и теоретические принципы. В этом отношении современная латышская историография развивается как в значительной степени

фрагментированная, а некие единые ориентиры ее развития практически отсутствуют. В этом контексте латышская историография в большинстве случаев функционирует именно в рамках модели многоуровневого сооружения, будучи представленной историографическими течениями, которые имеют не только различные методологические и теоретические, но и национальные и региональные основания.

В-шестых, упоминаясь выше монополия нормативной историографии, основанной на доминировании так называемых больших нарративов, на актуальном этапе развития исторических исследований в Латвии начинает подвергаться сомнению и ревизии со стороны наиболее методологически продвинутой части латышского академического сообщества, представленного не только ортодоксальными историками, но и методологически близкими к ним историками литературы и языка, политологами, социологами и культурологами, которые в большей степени, чем представители старшего поколения, оказались склонными и подверженными междисциплинарному синтезу.

В-седьмых, по мнению американского исследователя Дж. Фридмана, «объективно история, как и любая другая история, пишется в определенном контексте и представляет собой проект определенного типа... дискурс истории, подобно мифу, представляет собой и дискурс идентичности... объективно история пишется как определенный концепт самости, который основывается на радикальном отделении от какой-либо другой идентичности... история – конструкция в значительной степени мифическая в том смысле, что она является представлением о прошлом связанное с утверждением идентичности в настоящем» [7, p. 41]. Именно поэтому на современном этапе развития исторических исследований в Латвии историческая наука, как и в других постсоветских странах, оказалась подверженной политизации и идеологизации, что обрело формы исторической политики, которые практикуются правящими политическими элитами Латвии и обслуживающим их слоем высшей академической исторической бюрократии для обоснования возникшей после восстановления независимости политической мифологии, основанной на легитимации системы негражданства и виктимизации Латвии и латышей как жертв советской оккупации и последующей советизации.

Для современного гуманитарного знания характерны определенные кризисные тенденции. Исследовательский дискурс не только фрагментирован в спектре методологических предпочтений его представителей, но и само исследовательское сообщество расколото (что, в принципе, позитивно) не только теоретическими, но и частично политическими противоречиями. К сожалению, подобные призывы к применению междисциплинарных подходов нередко остаются декларациями в условиях неготовности определенной части представителей историографического сообщества отказаться от устаревших и архаичных

версий описания / написания истории прошлого, основанных на его линейном и хронологически-событийном восприятии.

Подводя итоги статьи, следует принимать во внимание ряд факторов. Исторические исследования в современной Латвийской Республике переживают период динамичного развития и роста. Однако нередко этот рост носит исключительно количественный характер, что негативно отражается на качестве конечного результата. Доминирующей формой развития исторического знания в современной Латвии являются так называемые большие нарративы, основанные на линейных, хронологически упорядоченных версиях истории. «Большие нарративы» в современной латышской историографии развиваются в условиях доминирования дискурса, основанного на этноцентризме, производстве и воспроизводстве этноцентричных версии истории Латвии, в которых история Латвии фигурирует как именно история Латвии. В подобной ситуации возникают условия для идеологизации и мифологизации истории, ее широкого политического применения. Поэтому историческое знание инструментализируется, превращаясь в часть механизма, призванного контролировать историческое воображение и обеспечивать граждан такими коллективными представлениями о прошлом, которые учитывают актуальную политическую повестку дня. При этом, анализируя исторические штудии в современной Латвии, во внимание следует принимать, что современная латышская историография относится к числу динамично развивающихся исторических наук, которые нуждаются в дальнейшем изучении.

Список литературы

1. Agicic D. Bosna ja nasa! Mitovi i stereotipi o drzavnosti, nacionalnom i vjerskom identitetu te pripadnosti u novijim udzbenicima povijesti / D. Agicic // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberovic. Sarajevo, 2003. – S. 139 – 160;
2. Alexander N. The “Moment of Maneuver”: “Race”, Ethnicity and Nation on Postapartheid South Africa // Antinomies of Modernity. Essays on Race, Orient, Nation / eds. V. Kaivar and S. Mazumdar. – Durham, 2003. – P. 180 – 195.
3. Alstadt A.L. Rewriting Turkic History in Gorbachev Era / A.L. Alstadt // Journal of Soviet Nationalities. – 1991. – Vol. II. – No 2. – P. 73 – 90.
4. Antic A. Evolicija i uloga tri kompleksa istorijskih mitova u srpskom akademskom i javnom mnenju u posklednih deset godina // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberovic. Sarajevo, 2003. – S. 259 – 290.
5. Boyd C.P. Historia Patria: Politics, History and National Identity in Spain, 1875–1975 / C.P. Boyd. – Princeton, 1997.

6. Brunnbauer U. Drevna nacionalnost i vjekovna borba za drzavnost: historiografski mitovi u Republici Makedoniji // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberovic. Sarajevo, 2003. – S. 291 – 305.
7. Friedman J. History, Political Identity and Myth / J. Friedman // Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology. – 2001. – No 1.
8. Goldstein I. Granica na Drini – znacenje i razvoj mitologema / I. Goldstein // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberovic. Sarajevo, 2003. – S. 109 – 138.
9. Hanovs D. Eiropas aristokratijas kultura 17. – 19. gadsimta. – Riga, 2014.
10. Hein L., Sekden M. The Lessons of War, Global Power and Social Change // Censoring History. Citizenship and Memory in Japan, Germany and the United States / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000. – P. 3 – 52.
11. Jilge W. Historical Memory and National Identity Building in Ukraine since 1991 / W. Jilge // European History: Challenge for a Common Future / ed. A. Pok, J. Rugen, J. Scherrer. – Hamburg, 2002. – P. 111 – 134.
12. Kazuhiko K. The Continuing Legacy of Japanese Colonialism: the Japan-South Korea Joint Study Group on History Textbooks / K. Kazuhiko // Censoring History. Citizenship and Memory in Japan, Germany and the United States / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000. – P. 203 – 225.
13. Lindner R. New Directions in Belarusian Studies besieged past: national and court historians in Lukashenka's Belarus / R. Lindner // Nationalities Papers. – 1999. – Vol. 27. – No 4. – P. 631.
14. Ohloblyn O. Ukrainian Historiography. 1917 – 1956 // Annals of Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the United States. – 1957. – Vol. 6 – 7. – No 4. – P. 307 – 435.
15. Perica V. Uloga crkava u konstrukciji drzavotvornih mitova Hrvatse i Srbije // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberovic. Sarajevo, 2003. – S. 203 – 224.
16. Rottier P. Legitimizing the Ata Meken: the Kazakh intelligentsia write a history of their Homeland / P. Rottier // Ab Imperio. – 2004. – No 1. – P. 467.
17. Thomson D. Must History stay Nationalistic? The Prison of Closed Intellectuals Frontiers / D. Thomson // Encounter. – 1968. – Vol. 30. – No 6. – P. 27.
18. Troebst S. "We are Transnistrians". Post-Soviet Identity management in the Dniester Valley / S. Troebst // Ab Imperio. – 2003. – No 1. – P. 437 – 466.
19. Wynar L.R. Mykhailo Hrushevsky: Ukrainian-Russian Confrontation in Historiography. – NY., 1988.

Рецензенты:

Кретинин С.В., д.и.н., проф., заведующий Кафедрой истории Средних веков и зарубежных славянских народов Исторического факультета ВГУ, г. Воронеж;

Мирошников А.В., д.и.н., проф., заведующий Кафедрой истории нового и новейшего времени Исторического факультета ВГУ, г. Воронеж.